

О. Ю. Динисламова

**ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА»
В МАНСИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) мансийского и русского языков как лексические средства описания внешности и состояния человека в рамках фразеосемантического поля (ФСП) «здоровье человека» в контексте лингвокультурологического содержания национальных картин мира; выявляется отражение народных представлений об образе здорового и нездорового человека; определяются универсальные и специфические параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов, при описании образа здорового и нездорового человека; описываются компоненты семантики и образные внутренние формы, создающие национально-культурную специфику исследуемых фразеологизмов.

Материал исследования – фразеологизмы северного диалекта мансийского языка, метафоры и устойчивые выражения манси, репрезентирующие внешность и состояние человека в рамках ФСП «здоровье человека», а также русские ФЕ, извлечённые методом сплошной выборки из фразеологических словарей.

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеосемантическое поле «здоровье», образ здорового человека, образ нездорового человека, фразеологизмы мансийского языка, мансийский язык, фразеологизмы русского языка, русский язык.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-55-64

Известно, что все тонкости национальной культуры отражаются в языке, особенности которого в свою очередь отражают и окружающую действительность, и человека, познающего мир. «Люди получают информацию и знания об окружающем мире посредством лингвистического канала, таким образом, они живут в “мире понятий”, созданном ими для различных потребностей. Следовательно, глубокое знание и понимание языка может быть отождествлено с глубоким пониманием культуры народа» [Issakova, Sadirova, Kushtaeva 2015, 834]. Исследование языков сквозь призму отражения национально-культурного опыта его носителей позволяет понять историю народов, их традиционные духовные ценности, мировоззрение. В этой связи особенно значимое изучение фразеологического фонда языка как ценнейшего источника сведений о культуре.

Основная цель анализа ФЕ в лингвокультурологическом аспекте состоит в том, чтобы выявить и описать культурно-национальные коннотации. Носителем культурной коннотации во ФЕ служит их образное основание: внутренняя форма, играющая особую роль в семантической структуре. Ее интерпретация в знаковом культурно-национальном пространстве языка – это механизмы вскрытия культурной коннотации. Для понимания внутренней формы ФЕ значимы построение образов, их интерпретация, сама человеческая способность создавать их и осознавать в языковых формах. Внутренняя форма при этом понимается как «способ организации значения ФЕ, как образ, лежащий в основе номинации фразеологизмом определенной ситуации объективной (или субъективной) действительности» [Ковалевская 2010, 20]. В создании образа участвуют слова-компоненты в составе ФЕ, мотивирующие его значение.

В ходе проводимого исследования в мансийском и русском языках был выделен довольно большой пласт фразеологии, послуживший основой для моделирования фразеосемантического поля «здоровье человека». Комплексный анализ содержания этого поля позволяет проследить механизм проявления национально-культурной специфики мансийских и русских ФЕ, вскрыть источники их возникновения, выявить ассоциации и образы, которые легли в их основу. Рассмотрение внутренней формы фразеологизмов способствует выявлению бытовых и этнографических стереотипов и эталонов, отражающих народное видение мира.

В современной лингвистической науке фразеосемантическое поле представляет собой развивающуюся, динамическую, неразрывно связанную с лексико-фразеологическим корпусом языков систему. Под фразеосемантическим полем понимается «совокупность фразеологических единиц, ко-

торые находятся в определённых системных отношениях и объединяются общностью семантической темы и общностью выражения одного понятия» [Абрамов 1992, 38]. При рассмотрении фразеологизмов, имеющих общую сему в ядерной части значения, как структурированного особым образом поля, мы имеем больше возможностей для системного анализа ФЕ, нежели при изучении их только как фрагмента поля неоднородного состава; это позволяет установить системные отношения между ФЕ, благодаря чему уточнить состав фразеологизмов и их значения.

Большую часть фразеологии мансийского языка составляет диалектная фразеология, которая создаётся и живёт в речи народных масс. Диалектный фразеологический состав языка исключительно богат и разнообразен, однако в мансийском языкознании он остаётся теоретически и лексикографически неразработанным. Лексикографических (толковых, этимологических, фразеологических) словарей мансийского языка, которые могли бы дать более обширное и глубокое представление о лексике и фразеологии, до настоящего времени не существует. Объясняется это отсутствием глубоких комплексных исследований в области лексикологии и фразеологии мансийского языка, недостаточностью теоретического материала, обобщающего данные исследования, что связано с трудоемкостью сбора фактического материала ввиду крайне малой численности носителей языка.

Основа нашего исследования – языковой материал верхнесосьвинского (пп. Хулимсунт, Няк-символь), среднесосьвинского (пп. Сосьва, Кимкъясу), сыгвинского (ляпинского) (пп. Саранпауль, Ломбовож) и обского (пп. Нарыкары, Мулигорт) говоров сосьвинского диалекта, входящего в состав северного наречия и положенного в основу мансийского письменного языка.

Корпус исследуемых фразеологизмов, репрезентирующих здоровье человека, составляет 29 единиц в мансийском и 39 единиц в русском языках, что может свидетельствовать о неодинаковой релевантности вербализации внешности и состояния здорового или нездорового человека в сопоставляемых ФКМ. Исследуемый фразеологический материал извлечен методом сплошной выборки из следующих источников:

– мансийского языка: оригинальная картотека автора статьи, составленная в процессе работы с носителями верхнесосьвинского, среднесосьвинского и сыгвинского (ляпинского) говоров сосьвинского диалекта мансийского языка в 2003–2020 гг.: Л. Н. Панченко, Т. Д. Слинкиной, Г. Н. Ларионовой (сыгвинский (ляпинский) говор); М. Т. Двиняниновой, Г. П. Самбиндаловой, М. В. Кумаевой (верхнесосьвинский говор); С. С. Динисламовой, Д. Т. Лисовой, В. И. Ивановой (среднесосьвинский говор); оригинальная картотека Л. Н. Панченко, составленная в процессе работы с носителями обского говора сосьвинского диалекта мансийского языка; мансийские фольклорные тексты: «Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей» [2010], «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [2005], «Именитые богатыри Обского края» (в 4 томах) [2010; 2012; 2015; 2018], «Маньси махум пёс йис эргыт= Старинные песни народа манси» [2015], «Медвежьи эпические песни манси (вогулов)» [2012], мансийские «Песни о судьбе» («Личные песни») [2013], «Тагт махум мойтыт-потрыт. Сказания-рассказы людей Сосьвы» [2004], «Тагт ос Сакв махум потраныл-мойтаныл. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы» [2001]; общественно-политическая газета на мансийском языке «Луйма сэрипос» [<http://www.khanty-yasang.ru/luima-seripos>];

– также фразеологические словари русского языка: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова [2008], «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [1986], «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова [2004], «Большой фразеологический словарь русского языка» В. Н. Телия [2006].

По определению С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, лексема *здоровый* толкуется как: 1) обладающий здоровьем, не больной; 2) выражающий, обнаруживающий здоровье; 3) сильный, крепкого телосложения [ТСРЯ 1999, 227]; лексема *нездоровый* как: 1) испытывающий недомогание, больной [ТСРЯ 1999, 405]; Д. Н. Ушаков определяет лексему *здоровый* как: 1) обладающий здоровьем, с правильно функционирующим организмом [БТСРЯ 2009, 201]; 2) крепкого сложения, дюжий, сильный [БТСРЯ 2009, 202].

Лексико-семантическое поле (ЛСП) «здоровый человек» в мансийском языке представлено следующими единицами: манс. *лус* 'здоровый, целый', *агмтал* 'здоровый', *так* 'крепкий, живучий', *таксар* 'крепкий', *нюпысь* 'крепкий, сильный', *аян* 'сильный', *аньт* 'крепкий, прочный', *вагын* 'мощный', *эрын* 'сильный', *сяныр* 'плотный', *пустыгыл олнэ* 'здоровый' [РМС 2005, 96], *тэпын* 'здоровый, упитанный', *ваңнын* 'здоровый, плечистый', *сёлың* 'сильный, крепкий'. В словаре Мункачи-Кальмана *Wogulisches Wörterbuch* мансийская лексема *pus* в переводе с венгерского языка имеет

следующие значения: *ér* ‘неповрежденный, целый’, *egészséges* ‘здоровый, здравый, бодрый’; в переводе с немецкого – *heil* ‘невредимый, нетронутый, здоровый, здравый, живой, целый, цельный’, *gesund* ‘здоровый, здравый, крепкий, цветущий, исправный, трезвый’ [WW 1986, 484].

В русском языке ЛСП «здоровый человек» представлено такими лексемами как *здоровый, бодрый, крепкий, сильный, дюжий, выносливый, добрый, исправный, могучий, мощный, ядреный, цветущий, упитанный, здоровяк*.

ЛСП «нездоровый человек» в мансийском языке представлено такими лексемами, как: манс. *āgm̄ȳn* ‘больной’, *āgumxarȳn* (*āgm̄xarȳn*) ‘болезненный, хилый’, *vāgtāl* ‘слабый, чахлый’, *ērtāl* ‘слабый’, *urum* ‘тощий, худой’ [СМРРМ 1982, 134], *sūlep* ‘щуплый’, *sēm̄tāl* ‘слабый, немощный’, *os̄s̄jars̄is̄* ‘худой, тощий, худышка’, *pōnyam* ‘худой, тонкий, слабый’, *vāñkariñ* ‘тощий, согнувшийся, кривой’, *mosyñ* ‘хилый, больной, изувеченный, хворый, заразный’, *tōsam* ‘сухой, высохший’, *tuv-tōsantan* ‘чахлый’ [РМС 2005, 348]. В словаре Мункачи-Кальмана *Wogulisches Wörterbuch* лексема *āym̄əŋ* в переводе с венгерского языка имеет следующие значения: *beteg* ‘больной, хворый, нездоровый’, *fájó* ‘болезненный’; в переводе с немецкого – *krank* ‘больной, немощный, нездоровый’, *schmerzhaft* ‘болезненный’ [WW 1986, 22].

В русском языке ЛСП «нездоровый человек» представлено такими лексемами как *нездоровый, больной, болезненный, болящий, недужный, чахлый, хилый, слабый, тощий, истощённый, худой, немощный, хворый, хлипкий, плохой, дохлый, дохляк, доходяга, нежилец*.

ФСП «здоровье человека» в говорах северного диалекта мансийского языка и говорах русского языка представлены комплексом устойчивых образных выражений разной структурной и семантической организации. Взаимодействуя между собой, они составляют целую лексическую систему, репрезентирующую внешность и состояние здорового и нездорового человека, противопоставляемых по признакам «здоровый, сильный, полный жизненных сил, крепкий, сбитый, энергичный – нездоровый, больной, слабый, истощённый, худой, вялый».

В мансийском и русском языках ФСП «здоровье человека» с признаком «здоровый, сильный, полный жизненных сил, крепкий, сбитый, энергичный» репрезентируются посредством следующих фразеологизмов: манс. *ханлпаттаге яге оньсям хуритэнтыл* ‘здоровый, целый, невредимый (букв.: подмышки его в том же виде, как и при отце его были)’ (фольк.), *сэñквын ат сайтаве, вотн ат сакватаве* ‘крепкий, здоровый (букв.: туман не скроет, ветер не ломает)’, *сёлы-волы* ‘крепкий, сильный; быстрый, энергичный (букв.: с мощью-силой)’, *вāñныñ-консыñ* ‘здоровый, коренастый (букв.: плечистый-когтистый)’, *лувыñ-самыñ* ‘здоровый, крепкий, сильный (букв.: костистый-глазастый)’, *хāрмис хурип* ‘здоровый, сильный (букв.: быку подобный)’, *лув хурип* ‘здоровый, крепкий (букв.: коню подобный)’, *нёвле сяр āхвтас* ‘мускулистый, сильный (букв.: тело его как камень)’, *āньт хум* ‘сильный, крепкий мужчина (букв.: рог мужчина)’, *так тāныñ-нёвлиñ* ‘мускулистый (букв.: крепкий сухожильный-мясистый)’, *ёлы-холы* ‘энергичный, быстрый (букв.: перевод неизвестен)’, *ёрыñ-палыñ* ‘сильный, выносливый (букв.: с силой-с шириной)’; рус. *косая сажень в плечах, здоров как лось, здоров как бык, гора мускулов, плотно (крепко) сбит, грудь колесом, богатыйское тело, кровь с молоком, кровь играет, как маков цвет, как огурчик, дышит (пышет) здоровьем, жизнь бьёт ключом, цел и невредим*.

Значение фразеологизмов, репрезентирующих человека здорового, крепкого, полного жизни, в мансийском, и русском языках довольно близко и отчасти тождественно. Общей характерной для них чертой при описании вышперечисленных свойств человека отмечается более акцентированное внимание на здоровом и крепком телосложении мужчин, чем женщин. При этом в обоих сопоставляемых языках свойства сильной половины человечества подвергаются положительной эстетической оценке. Так, мансийские фразеологизмы *вāñныñ-консыñ* ‘здоровый, коренастый (букв.: плечистый-когтистый)’, *нёвле сяр āхвтас* ‘мускулистый, сильный (букв.: мышцы его – как камень)’, а также русские ФЕ *косая сажень в плечах* и *гора мускулов* имеют общие образные основы: *широкие плечи* и наличие *мышц, мускулов*.

В мансийском языке для описания полного здоровья человека (независимо от его половой принадлежности) используются такие фразеологизмы, как *пайтаге нас ласьлэг* ‘румяный(ая) (букв.: щёки его (её) так и блестят)’, *выгыр пайтул* ‘румяный(ая) (букв.: красные щёки)’, *нёвлиñ-тэпыñ* ‘здоровый(ая), упитанный(ая) (букв.: мясной(ая)-упитанный(ая)’. Фразеологизмами, репрезентирующими внешность человека по признаку его здоровья и жизненных сил в русском языке, являются: *кровь с молоком, кровь играет, как маков цвет*.

Универсальным средством номинации объектов и явлений реального мира, демонстрирующим принципы антропоцентрического мировоззрения, связывающего окружающую реальность с различными образами человека, являются *соматические* ФЕ [Yahin, Sakaeva, Burenkova 2016, 4049]. Изученный фразеологический материал позволил установить, что наиболее существенная роль в репрезентации признаков хорошего здоровья в ФКМ мансийского и русского языков универсально отводится следующим соматическим компонентам: манс. *пáйт* ‘щёки’, *нѣвыль* ‘мясо’, *вāнн* ‘плечо’, *конс* ‘коготь’, *лув* ‘кость’, *сам* ‘глаз’, *тāн* ‘сухожилие’, *āньт* ‘рог’, *ханлпатта* ‘подмышка’; рус. *плечо, мускулы, грудь, тело, кровь*. Общие для обеих ЯКМ соматизмы – *плечо* и *мышцы*. Таким образом, универсальный признак крепости и здоровья в исследуемых языках – это наличие *широких плеч* и развитых *мышц, мускулов*.

Для сопоставляемых языков универсальной является также *цветовая* метафора, прилагаемая к области лица: манс. *вѣгыр пáйтуп* ‘румяный(ая) (букв.: красные щеки)’; рус. *как маков цвет*. Таким образом, для репрезентации внешнего вида пышущего здоровьем человека в мансийском и русском языках используется один цвет – *красный*.

Обеспечивающая все средства существования человечества как главным источником его жизни, природа находит широкое отражение в языках многих народов [Soldatkina, Yakovleva, Vavilova, Rychkov, Bogdanova 2019, 374]. В ходе анализа выявлена *натуроморфная* метафора, в рамках которой в обоих исследованных языках универсально выделены *зооморфная* метафора и метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*.

Из наблюдений за внешним видом животных возникли стереотипные представления о самих животных как архетипов, перенесенных на характеристики внешнего вида человека в виде зооморфных образных сравнений. Стереотипные образы – это первичные явления в субкультурном пространстве человека [Stoianova 2018, 378]. Так, зооморфная метафора в языках представлена в образах таких животных, как: манс. *лув* ‘конь’, *хāрмис* ‘бык’; рус. *лось, бык*. Как видим, универсален для исследуемых ФКМ образ *быка* – символ силы, крепости, здоровья. Образы животных лежат в основе большого числа ФЕ, ассоциированных с представлением о внешности человека.

Представленный фразеологический материал демонстрирует, что в рамках натуроморфной метафоры в мансийском языке выявленные компоненты *неживой природы* распределяются по таким семантическим группам, как *природные объекты* (*āхвтас* ‘камень’); *атмосферные явления* (*сѣнжв* ‘туман’); *стихия* (*вōт* ‘ветер’). В русском языке такой вид метафоры представлен единственной семантической группой *водные объекты* (ключ).

В русском языке натуроморфная метафора может реализовываться посредством таких *фитоморфных* образов, как *огурчик* и *мак*. В мансийском языке фитоморфной метафоры выявлено не было.

Анализ фразеологизмов, репрезентирующих здорового человека, позволил выделить в обоих языках *гастрономическую* метафору. В мансийском языке при описании здорового, крепкого человека основной лексемой-репрезентантом является соматический компонент *нѣвыль* ‘мясо’, например: *нѣвлиң-тѣпың* ‘здоровый(ая), упитанный(ая) (букв.: мясной(ая)-упитанный(ая)’. В русском языке аналогичная метафора представлена фразеологизмами: *кровь с молоком, как огурчик*.

Отличие мансийской ФКМ при репрезентации образа здорового человека отражает культурную семантику *временного* кода. Так, ФЕ *ханлпаттаге яге ѓньсям хуритѣнтыл* ‘здоровый, целый, невредимый (букв.: подмышки=его в том же виде, как и при отце=его были)’ содержит указание на символ давности.

Русская ФКМ отличается от мансийской наличием в ней *артефактной* (*грудь колесом*) и *антропоморфной* (*дышит здоровьем*) метафор, а также наличием фразеологизмов, содержащих наименования мер длины (*косая сажень в плечах*) и фольклорных персонажей (*богатырское тело*).

В мансийском и русском языках обнаружено значительное число фразеологизмов в ФСП «здоровье человека» с признаком: «*больной, слабый, истощенный, худой, вялый*»: манс. *лувтāl-нѣвыльтāl* ‘худой, тощий, костлявый (букв.: без костей-без мяса)’; *тōсам песь* ‘очень худой, тощий, костлявый (букв.: высохшее бедро)’; *тōсам лув кварек* ‘очень худой, тощий, костлявый (букв.: сухих костей связка)’; *тōсам лувнар* ‘тощий, худой (букв.: сухой скелет)’; *тōсам сухопарка* ‘худой, тощий (букв.: сухой сухопарка (заимст.))’; *тōсам ѣхыл* ‘худой, тощий (букв.: сушёная рыба)’; *тōсам нѣвыль* ‘тощий (букв.: сушёное мясо)’; *толың нѣвыль толна* ‘слабый, бессильный, больной (букв.: талое мясо растаявшее)’; *тōсам тārка* ‘тощий, худой (букв.: сушёный ёрш)’; *туп самаге хультсыг* ‘тощий, болезненный (букв.: только глаза остались)’; *аквтоп*

партныйл сывлес ‘худой, тощий (букв.: будто его (её) из доски вырезали); *пуй в̄алумт̄ал* ‘слабый, хилый (букв.: зад без мозгов)’; *в̄отн хос̄ьяве* ‘слабый, худой (букв.: ветром качает)’, *вильтэ т̄елл (к̄елл) тарст̄ал* ‘бледный, изможденный (букв.: лицо=его с бескровными сосудами)’; рус. *худой*, как *спичка*, *глиста глистой*, *глиста в скафандре*, *кожа да кости*, *тощий*, как *сельдь (селёдка)*, *худая (тощая)*, как *вобла*, *ходячий труп*, *живые (ходячие) мощи*, *живой (ходячий) скелет*, *костями гремит*, *мешок костей*, *ветром качает (шатает, сдувает)*, *худой*, как *щепка*, *без ветра качает*, *ни кровинки в лице*, *на чём (в чём) (только) душа держится*, *глядеть (смотреть) не на что*, *одна тень осталась*, *соплёй перешибеешь*, *бледный*, как *смерть*, *бледный*, как *полотно*, *бледный*, как *бумага*, *бледный*, как *мел*, *не в лучшей форме*, *еле-еле душа в теле*.

Внутренние образы некоторых вышеприведённых фразеологизмов мансийского и русского языков близки и частично тождественны. В обоих языках при описании внешнего вида больного, лишённого жизненных сил человека, фразеологизмы имеют общий семантический признак «худоба». Мансийские ФЕ *лувт̄ал-н̄эвыльт̄ал* ‘худой, тощий, костлявый (букв.: без костей, без мяса)’, *т̄осам лув кварек* ‘очень худой, тощий, костлявый (букв.: сухих костей связка)’, *т̄осам песь* ‘очень худой, тощий, костлявый (букв.: высохшее бедро)’, *т̄осам лувнар* ‘тощий, худой (букв.: сухой скелет)’ имеют частичные эквиваленты и фразеологические аналоги в виде русских ФЕ; *кожа да кости*, *живые (ходячие) мощи*, *живой скелет*, *костями гремит*. Образы данных ФЕ сходные: для представителей обоих этносов больной, истощённый человек являет собой *скелет (кости)*.

Особенность рассматриваемых фразеологизмов мансийского и русского языков заключается в том, что в их составе имена прилагательные усиливают признаки экстремальной степени худобы, болезненности: манс. *т̄осам* ‘сухой, высушенный’; рус. *худой*. Кроме того, для русских фразеологизмов характерно включение в состав фразеологизмов противоположных значений: их построение на соединении взаимоисключающих понятий: *живой, ходячий – труп, скелет, мощи*. В этом чётко прослеживается бинарная оппозиция: «жизнь – смерть» – в которой заключён своеобразный символ тонкого пограничного переходного состояния между жизнью и смертью человека, измождённого, обессиленного по каким-либо причинам (голод, болезнь).

Значительная роль здесь, как и в репрезентации образа здорового человека, вновь отводится *соматическим* компонентам: манс. *лув* ‘кость’, *н̄эвыль* ‘мясо’, *песь* ‘бедро’, *лувнар* ‘скелет’, *сам* ‘глаз’, *пуй* ‘зад’, *в̄алум* ‘мозг’, *вильт* ‘лицо’, *т̄елл (к̄елл)* ‘кровь’; рус. *кожа*, *кость*, *мощи*, *скелет*, *кровь*, *лицо*, *душа*, *тело*. Универсальными компонентами для языков являются соматизмы: *кость*, *скелет*, *лицо* и *кровь*. Образ *костей* в мировой культуре занимает одно из центральных мест среди многочисленных древних символов. Прежде всего, этот образ связан с идеями смерти и вечной жизни: когда умирает тело, оно начинает быстро разлагаться. Процесс завершается полным уничтожением плоти, оставляя лишь обнажённый скелет. От того, что было живым существом, остаются кости, коих тление не касается. Они способны сохраняться почти неизменными целую вечность. Физиологическая стойкость костей породила миф о том, что они – олицетворение бессмертия и с их помощью возможно возрождение умершего [Образ костей в мировой культуре].

В русской ФКМ в составе рассматриваемых ФЕ отражается и такой продукт жизнедеятельности человека, как *сопли* (ФЕ *соплёй перешибеешь*), напрямую и самым тесным образом связанный с организмом, но не являющийся при этом соматизмом.

Артефактная метафора, отсылая нас к предметному, вещному коду традиционной культуры манси и русских, универсально находит отражение посредством лексем: манс. *парт* ‘доска’; рус. *спичка*, *мешок*, *полотно*, *бумага*, *мел*. Как видно, данные артефакты универсально представляют собой предметы домашнего обихода, при этом в русской ЯКМ отмечается значительно большее разнообразие образных основ.

Представленный фразеологический материал позволил охарактеризовать *натуроморфную* метафору, в рамках которой в обоих исследованных языках универсально выделили только *зооморфную* метафору, которая реализуется посредством отождествления больного, истощённого человека со следующими зоонимическими образами: манс. *т̄арка* ‘ёрш’; рус. *глиста*, *сельдь (селёдка)*, *вобла*. Таким образом, универсальный образ для исследуемых языков – это образ *рыбы* как символ худобы.

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, получает отражение в следующих фразеологизмах: манс. *в̄отн хос̄ьяве* ‘слабый, худой (букв.: ветром качает)’; рус. *ветром качает (шатает, сдувает)*, *без ветра качает*, *одна тень осталась*. Выявленные лексические компоненты русского языка *неживой природы* распределяются по таким семантическим

группам, как *стихии* (ветер) и *оптические явления* (тьма). Образ *ветра*, таким образом, предстает как универсальное явление природы при описании нездорового человека в мансийской и русской ФКМ.

Фитоморфная метафора при репрезентации нездорового, больного человека была выявлена также только в русской ЯКМ как единственный фразеологизм: *худой как щепка*.

В ходе анализа при описании истощенного, худого и нездорового человека в обоих языках была выявлена также *гастрономическая* метафора, основной репрезентант которой – образ *рыбы*: манс. *тōсам ёхыл* ‘худой, тощий (букв.: сушёная рыба)’, *тōсам тārка* ‘тощий, худой (букв.: сушёный ёрш)’; рус. *тощий как сельдь (селёдка), худая (тощая) как вобла*. Данные примеры свидетельствуют, что сушёные продукты, в первую очередь – рыба, традиционно входили в ежедневный рацион и манси, и русских, что не могло не отразиться в их ЯКМ. Универсальный для обеих ЯКМ образ *сушёной рыбы* (ёрш в мансийском, сельдь/селёдка в русском) – показатели общей культуры манси и русских при репрезентации истощенного, худого человека.

Отличительная черта русской ЯКМ при репрезентации нездорового человека – это наличие в ней *цветовой* и *антропоморфной* метафор. Так, маркером плохого здоровья или болезни является бледный цвет лица человека, например: *бледный как смерть, бледный как полотно, бледный как бумага, бледный как мел*. В мансийском языке фразеологизмы с подобным значением не обнаружены. *Антропоморфная* метафора в русской ФКМ реализуется в виде фразеологизмов: *косями гремит, на чём (в чём) (только) душа держится*.

В составе исследуемых фразеологизмов при репрезентации образов *здорового* и *нездорового* человека в мансийском языке наиболее продуктивны субстантивные и адъективные фразеологизмы, в то время как в русском языке большая часть ФЕ субстантивная.

В итоге проведенного анализа ФСП «здоровье человека» в мансийской и русской ФКМ с противопоставляемыми признаками «*здоровый, сильный, полный жизненных сил, крепкий, сбитый, энергичный – нездоровый, больной, слабый, истощенный, худой, вялый*» могут провести к следующим выводам:

1) результаты исследования позволяют констатировать, что оценочная номинация ФЕ более обширно и разнообразно представлена в русском, нежели в мансийском языке. Кроме того, русская ФКМ располагает большим количеством средств ФСП «здоровье человека».

2) Основное средство создания образности ФЕ мансийского и русского языков при репрезентации здоровья человека – метафора. Постоянные общие метафорические модели для сопоставляемых языков при репрезентации образа здорового человека – цветовая, зооморфная и гастрономическая метафоры; тогда как при репрезентации образа нездорового человека – модели артефактная, зооморфная и гастрономическая. Помимо универсальных в русском языке были отмечены артефактная и антропоморфная метафоры для описания образа здорового человека, а также антропоморфная, цветовая, фитоморфная и метафора неживой природы при создании образа нездорового, больного человека.

3) Исследуемые ФКМ имеют поликодовый характер и универсально при репрезентации здорового, крепкого человека связаны с соматическим, цветовым, зооморфным, природным и гастрономическим кодами культуры; при этом в мансийской ФКМ отмечается тяготение к соматическому и природному кодам. Помимо универсальных в мансийском языке присутствует временной, а в русском – фитоморфный, артефактивный и антропный (человеческий) коды культуры.

Образ нездорового, больного человека в рассматриваемых ФКМ универсально связан с наличием соматического, предметного, зооморфного и гастрономического кодов, при этом в русской ФКМ отмечается тяготение к зооморфному коду; тогда как национально-культурная специфика русской ФКМ – в наличии природного, фитоморфного, цветового и антропного кодов культуры.

4) В результате анализа мансийских и русских ФЕ было установлено, что общечеловеческое мировидение мансийского и русского народов при репрезентации образов *здорового* и *нездорового* человека выявляется в довольно несущественном количестве образов. Так, для описания образа здорового человека *универсальны* для обеих ЯКМ, образы, реализуемые посредством:

- соматических компонентов *плечо* и *мышцы*;
- зоонимического образа *быка* как символа силы, крепости, здоровья;
- цветоименования *красный*.

При репрезентации образа *нездорового* человека для обеих ЯКМ – это образы, реализуемые посредством:

- соматических компонентов *кость* и *скелет, лицо* и *кровь*;
- зоонимических образов *рыбы* (ёрш в мансийском, сельдь/селёдка в русском) и в целом *сушёной рыбы* как символов излишней худобы, болезненности;

– природной стихии *ветер* при описании слабого, обессиленного человека.

Очевидно, что большая часть рассмотренных ФЕ мансийского и русского языков, репрезентирующих внешний вид здорового и нездорового человека, обладает ярко выраженными национально-культурными чертами и является языковыми уникалиями.

5) В результате анализа в обоих языках была отмечена количественная асимметрия, заключающаяся в превалировании ФЕ, репрезентирующих образ здорового, нежели нездорового человека, в мансийском языке; и превалировании ФЕ, репрезентирующих образ нездорового человека над здоровым, в русском языке. Так, в мансийском языке из 27 исследуемых фразеологизмов 16 единиц (59,3 %) репрезентируют образ здорового и 11 единиц (40,7 %) – образ нездорового человека. В русском языке выявлено 39 фразеологизмов, из которых 25 единиц (64,1 %) используются при репрезентации образа нездорового, больного человека, а 14 единиц (35,9 %) – при репрезентации образа здорового человека. Приводимая статистика демонстрирует, что процентное соотношение в языках при репрезентации образов здорового и нездорового человека не совпадает. Преобладание в русском языке ФЕ с отрицательной оценкой подтверждает мысль, что процесс возникновения наименований больных людей связан с высокой степенью эмоционального отклика по отношению к ним по причине их нездорового внешнего вида и состояния. Здоровый человек, как правило, не вызывает особенно ярких эмоций, отношение к нему нейтральное, поэтому доля ФЕ с оценкой здоровых людей гораздо меньше доли ФЕ, оценивающих больных людей. Противоположная ситуация наблюдается в мансийском языке, где превалирует доля ФЕ, репрезентирующих образ здорового человека. На наш взгляд, данный факт свидетельствует о том, что манси не акцентируют внимания на внешности больного человека.

СОКРАЩЕНИЯ

манс. – мансийский язык; рус. – русский язык; ФЕ – фразеологическая единица; ЯКМ – языковая картина мира; ФКМ – фразеологическая картина мира; ЛСП – лексико-семантическое поле; ФСП – фразеосемантическое поле; ВС – верхнесосьвинский говор; СС – среднесосьвинский говор; С – сыгвинский (ляпинский) говор; О – обской говор.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов В. П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. 108 с.
- БТСРЯ – Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. 960 с.
- БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ответственный редактор В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.
- Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. 648 с.
- Именитые богатыри Обского края. Книга вторая. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. 171 с.
- Именитые богатыри Обского края. Книга третья. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 204 с.
- Именитые богатыри Обского края. Книга четвертая / под ред. С. С. Динисламовой. Тюмень: ООО «Формат». 2018. 214 с.
- Именитые богатыри Обского края. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 150 с.
- Ковалевская Л. А. Внутренняя форма как источник семантической мотивации и культурной коннотации фразеологизмов русского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Великий Новгород, 2010. 21 с.
- Мансийские «Песни о судьбе» («Личные песни») (В записи Арттури Каннисто, 1901–1906 гг.) / Автор-составитель Т. Д. Слинкина. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2013. 110 с.
- Медвежьи эпические песни манси (вогулов) / Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 658 с.
- Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
- Маньси махум пёс йис эргыт = Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888–1889 гг.: научное издание / авт.-сост. Т. Д. Слинкина; отв. ред. Е. И. Ромбандеева; Деп. образования и молодежной политики ХМАО – Югры, Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 232 с.
- Образ костей в мировой культуре. Значение образа костей в христианстве. URL: <https://danila-master.ru/articles/kniga-simvolov-kosti.html> (дата обращения: 30.01.2020).
- Общественно-политическая газета «Лүимә сэрипос». Архив. URL: <http://www.khanty-yasang.ru/luima-seripos>
- РМС – Ромбандеева Е. И. Русско-мансийский словарь: Учеб. пособие для уч-ся 5–9 кл. общеобраз. уч-режд. СПб.: ООО «Миралл», 2005. 360 с.

СМРРМ – Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: Пособие для учащихся начальной школы. Л.: Просвещение, 1982. 360 с.

Тэгт ос Сакв мэхум потраныл-мөйтаныл. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 1. Салы урнэ бйка мөйтыт. Сказки оленевода / Сост., пер. с манс. языка С. А. Поповой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Тэгт мэхум мөйтыт-пөтрыт. Сказания-рассказы людей Сосьвы / В. С. Иванова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 126 с.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. Москва: Астрель, АСТ, 2008. 880 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1986. 543 с.

ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: в 2 т. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. Москва: Флинта, Наука, 2004. 830 с.

Issakova S., Sadirova K. and Kushtaeva M. Cognitive-Comparative Analysis of Phraseological Units (on the Material of Kazakh-French Phraseology) // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 214. P. 833–838.

Soldatkina T. A., Yakovleva S. L., Vavilova K. Yu., Rychkov A. V. and Bogdanova N. V. Linguistic and Culture Code Nature in the English and Russian Phraseology // Proceedings of INTCESS 2019 – 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019. Dubai, U.A.E. P. 373–380.

Stoyanova R. Zoomorphic Culture Code as a Device of Human Appearance Conceptualization in the Bulgarian and Russian Linguocultures (As Exemplified in Figurative Comparisons) // Proceedings of the 2nd International Conference on Culture, Education and Economic Development of Modern Society (ICCESE 2018). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 205, P. 376–385.

WW – Munkácsi Bernát. Wogulisches Wörterbuch / B. Munkácsi, B. Kálmán. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 S.

Yahin M. A., Sakaeva L. R. and Burenkova O. M. The Comparative Analysis of Anthropocentric Phraseological Units in Russian, English and Tatar Languages // The Social Sciences. 2016. Vol. 11, No. 16. P. 4048–4052.

Поступила в редакцию 25.01.2020

Динисламова Оксана Юрисовна,

научный сотрудник

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14А

E-mail: o.dinislamova@yandex.ru

O. Yu. Dinislamova

PHRASEOSEMANTIC FIELD “HUMAN HEALTH” IN MANSI AND RUSSIAN LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-55-64

The article considers phraseological units (PU) of the Mansi and Russian languages as lexical means of description of a person's appearance and his state within the framework of the phrase-semantic field (PSF) “human health” in the context of the linguistic and cultural content of national pictures of the world; it reveals the reflection of folk representations about the image of a healthy and unhealthy person. The article defines the universal and specific parameters of imagery of metaphors during description of the image of a healthy and unhealthy person. It describes the components of semantics and figurative internal forms that create the national and cultural specificity of the studied PU.

The research materials are the PU of the Northern dialect of the Mansi language, metaphors and expressions that represent the appearance and state of a person within the framework of the PSF “human health”, as well as Russian PU extracted by continuous sampling from phraseological dictionaries.

Keywords: phraseological units, phrase-semantic field “human health”, the image of a healthy person, the image of an unhealthy person, phraseological units of the Mansi language, Mansi language, phraseological units of the Russian language, Russian language.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 1, pp. 55–64. In Russian.

REFERENCES

- Abramov V. P.** *Sintagmatikasemanticheskopolya (namaterialerusskogoyazyka)* [Syntagmatics of the semantic field (based on the Russian language)]. Rostov-on-the-Don: Izd-vo RGU Publ., 1992. 108 p. In Russian.
- Bol'shoi tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redaktsiya* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Modern edition.]. Comp. by D. N. Ushakov. M.: OOO "Dom Slavyanskoyknigi" Publ., 2009. 960 p. In Russian.
- Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural commentary]. Resp. editor V. N. Teliya. M.: AST-Press kniga Publ., 2006. 784 p. In Russian.
- Geroicheskiy epos mansi (vogulov): Pesni svyatykh pokrovitelej* [The heroic epos of the Mansi (Voguls): Songs of the saint patrons]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: OOO "Print-Klass" Publ., 2010. 648 p. In Mansi, Russian.
- Imenitnye bogatyri Obskogokraya. Kniga vtoraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob land. The second book]. Khanty-Mansiysk, Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 171 p. In Russian, Hungarian, Mansi.
- Imenitnye bogatyri Obskogo kraya. Kniga tret'ya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob land. The third book]. Khanty-Mansiysk, Yugorskii format Publ., 2015. 204 p. In Russian, Hungarian, Mansi.
- Imenitnye bogatyri Obskogo kraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob land]. Khanty-Mansiysk, IITS YUGU Publ., 2010. 150 p. In Russian, Hungarian, Mansi.
- Imenitnye bogatyri Obskogo kraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob land]. Khanty-Mansiysk: IIC YUGU Publ., 2010. 150 p. In Russian, Hungarian, Mansi.
- Kovalevskaya L. A.** *Vnutrennyaya forma kak istochnik semanticheskoi motivatsii kul'turnoi konnotatsii frazeologizmov russkogo yazyka: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Internal form as a source of semantic motivation and cultural connotation of phraseological units of the Russian language: Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Veliky Novgorod, 2010. 21 p. In Russian.
- Mansiiskie "Pesni o sud'be" ("Lichnyepesni") (V zapisi Artturi Kannisto, 1901–1906 gg.)* [Mansi "Songs of fate" ("Personal songs") (recorded by Artturi Kannisto, 1901–1906)]. Comp. by T. D. Slinkina. Khanty-Mansiysk: Pechatnyjmir Publ., 2013. 110 p. In Mansi, Russian.
- Medvezh'i epicheskie pesni mansi (vogulov)* [Bear epic songs of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ., 2012. 658 p.
- Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov)* [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005. 475 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri I Dal'nego Vostoka; T. 26) [Monuments of folklore of the people of Siberia and the Far East. Vol. 26]. In Mansi, Russian.
- Mān'si māhumpēsjiis ārgyt = Starinnye pesni naroda mansi. V zapisi Bernata Munkácsi, 1888–1889 gg.: nauchnoe izdanie* [Ancient songs of the Mansi people. In the record of Bernat Munkácsi, 1888–1889 gg.: scientific publication]. Comp. by T. D. Slinkina; ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Yugorskij format Publ., 2015. 232 p. In Mansi, Russian.
- Obrazkosti v mirovojkul'ture. Znachenie obraza kostei v hristianstve* [Image of bones in world culture. The meaning of the image of bones in Christianity]. URL: <https://danila-master.ru/articles/kniga-simvolov-kosti.html> (accessed 30 January 2020).
- Obshchestvenno-politicheskaya gazeta "Lýmā sēripos". Arhiv* [Public and political newspaper "Lýmā sēripos". Archive]. URL: <http://www.khanty-yasang.ru/luima-seripos>. (accessed 27 January 2020).
- Russko-mansiiskii slovar': Ucheb. posobie dlya uchashhikh sya 5–9 kl. obshheobraz. uchrezhd.* [Russian-Mansi dictionary: Textbook for students of 5–9 forms of the educational institutions]. Saint-Petersburg, OOO "Mirall" Publ., 2005. 360 p. In Russian, Mansi.
- Slovar' mansiisko-russkii russko-mansiiskii: Posobie dlya uchashhikh sya nachal'niishkoly* [Mansi-Russian and Russian-Mansi Dictionary: Handbook for primary school students]. Comp. by E. A. Rombandeeva, E. A. Kuzakova. Leningrad, Prosveshhenie Publ., 1982. 360 p. In Russian.
- Tāgt os Sakv māhum potranyl-mōjtanyl. Rasskazy-skazkinaroda Sos'vy-Sygyv. Vyp. 1. Sālyurneōjkamōjtyt. Skazkiolenevoda* [Stories and tales of the Sosva-Sygyva people. Vol. 1. Sālyurneōjkamōjtyt = Reindeer herder's tales]. Comp. by S. A. Popova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. 108 p. In Mansi, Russian.
- Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. In Russian.
- Tāgt māhum mojtyt-pōtryt. Skazaniya-rasskazy lyudej Sos'vy* [Tales and stories of the Sosva people]. Comp. by V. S. Ivanova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2004. 126 s. In Mansi, Russian.
- Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of Russian literary language: approx. 13000 phraseological units]. Ed. by A. I. Fedorov. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008. 880 p. In Russian.
- Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1986. 543 p. In Russian.

Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35000 frazeol. edinits: v 2 t. [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: more than 35,000 phraseological units: in 2 volumes]. Ed. by A. N. Tikhonov. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. 830 p. In Russian.

Issakova S., Sadirova K. and Kushtaeva M. Cognitive-Comparative Analysis of Phraseological Units (on the Material of Kazakh-French Phraseology) // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 214, pp. 833–838.

Soldatkina T. A., Yakovleva S. L., Vavilova K. Yu., Rychkov A. V. and Bogdanova N. V. Linguistic and Culture Code Nature in the English and Russian Phraseology // *Proceedings of INTCESS 2019 – 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019*. Dubai, U.A.E. Pp. 373–380.

Stoyanova R. Zoomorphic Culture Code as a Device of Human Appearance Conceptualization in the Bulgarian and Russian Linguocultures (As Exemplified in Figurative Comparisons) // *Proceedings of the 2nd International Conference on Culture, Education and Economic Development of Modern Society (ICCESE 2018). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2018, vol. 205, pp. 376–385.

Wogulisches Wörterbuch / B. Munkácsi, B. Kálmán. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 lap.

Yahin M. A., Sakaeva L. R. and Burenkova O. M. The Comparative Analysis of Anthropocentric Phraseological Units in Russian, English and Tatar Languages // *The Social Sciences*, 2016, vol. 11, no. 16, pp. 4048–4052.

Received 25.01.2020

Dinislamova Oksana Yurisovna,
Researcher

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Mira st.14A, Mira, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation
E-mail: o.dinislamova@yandex.ru